

Патрушев Сергей

Стрелок Тьмы

Сергей Патрушев

Стрелок тьмы

<https://litres.ru/74536393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс, Стрелок Тьмы. Идеальное оружие Императора Дориана, человек, выжегший из себя всё человеческое.

Его цель — Император Пепельного Скипетра Дрейк. В напарницы ему назначают Анастасию, боевого мага Пятого Круга, для которой эта охота личная месть.

Проникнув в сердце вражеской империи, они должны уничтожить тирана. Но когда маски сброшены, а на кону стоит судьба континента, Алекс понимает: смерть Дрейка не принесёт мира.

Чтобы победить в войне, где предательство — валюта, а магия — проклятие, Стрелку придётся заглянуть в Бездну и понять, что самое страшное чудовище — это он сам.

Содержание

Глава 1. Заказ из Вечной Ночи	4
Глава 2. Воля Императора	18
Глава 3. Знакомство с Ветром	34
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Патрушев

Стрелок тьмы

Глава 1. Заказ из Вечной Ночи

Соленая влага портового города Гримхольда оседала на губах тяжелым, металлическим привкусом. Она смешивалась с запахом гниющих водорослей, дешевого эля из таверн Нижнего квартала и сладковатым душком разложения, который всегда сопровождает места, где человеческая жизнь стоит дешевле ящика контрабандного шелка.

Алекс стоял на карнизе часовой башни, вросшей в скалу над гаванью. Ветер, прилетевший с Серого моря, трепал полы его тяжелого плаща из кожи василиска. Ткань поглощала свет, не отражая ни единого блика от полной луны, и казалось, что на краю пропасти висит просто кусок первородной пустоты.

Алекс не смотрел вниз, на копошащихся у причалов грузчиков и портовых крыс. Его взгляд, скрытый за линзами очков из дымчатого обсидиана, был прикован к окну на третьем этаже особняка «Жемчужная корона». Окно выходило на внутренний двор, вымощенный белым мрамором, который сейчас казался бледно-голубым в лунном свете. Там, за тяжелыми бархатными шторами, заканчивался ужин.

Цель — барон Ульрих фон Моро.

Для всего Гримхольда Ульрих был столпом общества. Благотворитель, покровитель гильдии торговцев, человек, на чьи деньги восстанавливали обрушившийся западный волнорез. Для тех, кто умел смотреть сквозь официальные реестры, барон был главой крупнейшей в Северных землях сети работорговли, поставщиком живого товара для подземных рудников Черного Хребта и бессменным клиентом магов плоти из Змеиных Топей.

Император Дориан закрывал на это глаза уже семь лет. Ульрих платил налоги в казну Вечной Ночи с безупречной точностью, а его флот защищал восточные торговые пути от пиратов Архипелага. Но три месяца назад барон допустил ошибку. Он решил, что неприкосновенность распространяется и на внутреннюю политику. Ульрих начал финансировать сепаратистов в провинции Иствейл, поставляя им не только золото, но и зачарованное оружие.

Император не прощает покушений на целостность своей империи.

Алекс не испытывал к барону ненависти. Ненависть — это непозволительная роскошь для его ремесла, ржавчина, которая разъедает концентрацию. Он чувствовал лишь холодное, геометрическое удовлетворение от правильно выстроенной задачи. Ульрих фон Моро — это переменная. Его устранение — это уравнение.

Часовая стрелка на циферблате под ногами Алекса со

щелчком перевалила за полночь.

В окне «Жемчужной короны» мелькнула тень. Барон, грузный мужчина с лицом, похожим на плохо вылепленный из воска шар, отодвинул стул. Разговор с гостями — двумя капитанами его личной гвардии — был окончен. Ульрих тяжело поднялся, опираясь на трость с набалдашником из черного янтаря, и, грузно ступая, скрылся в глубине спальни.

Пора.

Алекс медленно выдохнул. Он не задерживал дыхание, как это делают обычные стрелки из арбалетов. Он синхронизировал свой ритм с ритмом ветра.

Его правая рука, затянутая в перчатку из той же кожи василиска, поднялась на уровень груди. Ладонь была пуста.

— Сформировать, — беззвучно произнес он одними губами.

Магия Алекса не требовала пассов, выкрикивания древних слов на забытых языках или сжигания редких реагентов. Его дар был иным, пугающим и притягательным одновременно. Он не управлял стихиями. Он был их отсутствием. Он был прорехой в полотне реальности, через которую просачивалась первозданная Тьма.

Из теней, отбрасываемых его собственным телом, начала сгущаться материя. Это не было иллюзией или простым уплотнением воздуха. Тьма стекалась к его ладони, скручиваясь в тугие, маслянистые жгуты. Она пахла озоном после грозы, старой бумажной пылью и холодом глубокого склепа.

Жгуты сплетались, обретая форму. Сначала приклад — тяжелый, рубленый, с удобным упором для плеча. Затем длинный, идеально прямой ствол. На конце ствола начал формироваться набалдашник дульного тормоза. Оружие не имело украшений. Ни золота, ни гравировок. Только абсолютная, поглощающая свет чернота.

Алекс не создавал порох. Он создавал саму концепцию выстрела.

Он вскинул винтовку из чистой тьмы к плечу. Приклад идеально, до миллиметра, лег в выемку между ключицей и трапециевидной мышцей. Палец лег на спусковой крючок, который ощущался под подушечкой не как металл, а как прохладный, гладкий камень.

Алекс прикрыл левый глаз. Правый, скрытый за обсидианом очков, сфокусировался.

Спальня барона. Ульрих стоял у туалетного столика, спиной к окну. Он медленно, с кряхтением стаскивал с пухлых пальцев перстни. Его отражение в зеркале выглядело уставшим и старым.

Расстояние — триста сорок два метра. Ветер — юго-западный, порывами до трех метров в секунду, с легким нисходящим завихрением от шпиля ратуши. Влажность — восемьдесят процентов. Пульсация цели — семьдесят два удара в минуту.

Алекс внес поправки в саму структуру винтовки. Ствол из тьмы едва заметно удлинился, компенсируя падение пули.

Ульрих потянулся к кубку с вином. В этот момент он был идеальной, статичной мишенью.

Алекс начал выбирать свободный ход спускового крючка. Движение было плавным, почти медитативным. Он не целился в голову. Голова — слишком нестабильная цель, она постоянно поворачивается. Он целился в центр масс, чуть левее позвоночника, где сходятся ребра. Выстрел должен быть парализующим, а не просто убойным. Император хотел, чтобы барон перед смертью осознал, что его нашли.

Палец дождал спуск.

Винтовка не издала ни звука. Не было ни грохота, ни вспышки. Только абсолютная, звенящая тишина, на мгновение поглотившая даже шум прибора внизу.

Из дула вырвался сгусток. Это не была свинцовая пуля. Это был кусок концентрированного небытия, сжатый до плотности алмаза. Он не летел — он *протыкал* пространство, игнорируя сопротивление воздуха.

Снаряд вошел в баронское окно, не разбив стекло. Для обычного зрения он был невидим. Стекло лишь покрылось на долю секунды инеем, который тут же растаял.

Ульрих фон Моро не успел донести кубок до губ. Сгусток тьмы вошел в его спину между лопатками.

Он не почувствовал боли. Боль пришла мгновением позже, когда первозданная пустота внутри барона начала расширяться, аннигилируя его жизненную силу. Ульрих захрипел. Его колени подогнулись. Кубок выпал из разжавшихся

пальцев, дорогое красное вино медленно, как кровь, растеклось по белому ковру.

Барон рухнул лицом вниз, подмяв под себя шелковую пижаму. Его рука с последним перстнем ударилась о ножку кровати.

Цель нейтрализована.

Алекс не стал смотреть на результат. Он опустил винтовку. — Рассеять, — выдохнул он.

Оружие в его руках задрожало и начало опадать тяжелыми, вязкими каплями, которые впитывались в камень карниза, не оставляя и следа влаги.

Алекс поправил капюшон. Работа была выполнена чисто. В спальне барона сейчас начнется хаос — крики слуг, попытки целителей запустить остановившееся сердце, паника капитанов гвардии, которые поймут, что убийца находился вне их охранного периметра. Они перевернут весь Гримхольд. Они найдут на карнизе микроскопическую пылинку обсидиановой пыли — единственный побочный продукт его магии. Но к тому времени, когда первый стражник поднимет голову к часовой башне, Алекс уже растворится в лабиринте портовых складов.

Он перекинул ноги через край карниза и начал спуск по внешней стороне башни, используя едва заметные трещины в камне как опору. Его движения были экономными, текучими, лишёнными суеты. Он был тенью, которая просто меняет свое положение на стене.

Спустившись на крышу портового склада, он мягко спрыгнул на черепицу. Здесь, среди бочек с дегтем и гниющих сетей, пахло его стихией. Он накинул на голову глубокий капюшон и шагнул в густой мрак между двумя кипами мешков с зерном.

Тьма приняла его.

Для обычного человека шаг в такой переулок означал бы слепоту. Для Алекса это было возвращение домой. Свет фонарей с соседней улицы вяз в паре шагов от него, не в силах пробить плотный кокон теней. Он шел по порту, обходя патрули городской стражи не потому, что прятался, а потому, что они его буквально не видели. Он был слепым пятном в их периферийном зрении.

Он вышел из Гримхольда через заброшенные Северные ворота, ключи от которых давно ржавели в его кармане, и углубился в чахлый лес, отделявший порт от имперского тракта.

Только пройдя три мили и убедившись, что за ним нет хвоста, он позволил себе замедлить шаг. Ночной лес жил своей жизнью: ухала сова, где-то вдалеке хрустнула ветка под лапой кабана. Алекс прислонился спиной к стволу старого дуба и закрыл глаза.

Магия всегда брала свою цену. После создания винтовки и единственного выстрела по венам разливался знакомый тяжелый свинец. Виски ломило, а во рту стоял вкус ржавчины. Использование первозданной Тьмы вымывает тепло из тела.

Если сделать слишком много выстрелов за ночь, можно просто замерзнуть изнутри, превратившись в ледяную статую с открытыми глазами.

Алекс достал из поясной сумки плоскую флягу. Внутрь плескался не алкоголь. Это был крепкий, обжигающий травяной настой по рецепту старой знахарки из-под столицы, который заставлял кровь бежать быстрее. Он сделал два глотка. Горечь обожгла пищевод, и по телу начала медленно разливаться спасительная дрожь.

— Слишком чисто, — раздался голос из-за соседнего дерева. — Император не любит, когда его заказы выполняются без сучка без задоринки. Начинает думать, что незаменимых людей нет.

Алекс не вздрогнул. Он узнал этот голос — сухой, надтреснутый, с легким присвистом на шипящих. Голос человека, который пережил три покушения только потому, что его считали слишком старым и немощным, чтобы воспринимать всерьез.

Из-за ствола дуба вышел человек. Он был одет в ливрею цветов императорского дома — черный и багровый — но ткань выглядела так, словно ее сшили из старых театральных занавесов. На голове красовался завитый парик, съехавший на одно ухо. Посыльный императора Дориана, мастер церемоний по имени Игнациус.

В руках Игнациус держал не свиток, а потрепанную кожаную папку, из которой торчали смятые по краям листы. —

Барон фон Моро, — констатировал он, театрально заглянув в папку через дешевое пенсне. — Время смерти — ноль часов двенадцать минут. Причина — внезапный разрыв сердечной аорты, по предварительной версии coronera. Гримхольд в панике, гвардия барона обещает найти «демона из пустоты». Демона, Стрелок. Они даже не представляют, насколько близки к истине, не так ли?

— Ты проделал весь этот путь посреди ночи, чтобы обсудить некрологи, Игнациус? — ровным тоном спросил Алекс. Он завинтил крышку фляги. — Или у Дориана закончились палачи, раз он снова вспоминает обо мне?

— О, палачей у Его Темнейшества в избытке, — Игнациус мерзко хихикнул и почесал кончик длинного носа. — Но палачи работают с мясом. А Его Темнейшеству сейчас нужен ювелир.

Он сделал шаг вперед, протягивая папку. — Это приглашение. Личное. Отпечатано на бумаге из кожи умертвия, сургучная печать с оттиском Черного Солнца. Такие не посылают через вестовых голубей. Такие доставляют в руки.

Алекс взял папку. Бумага действительно была холодной и неприятно гладкой. Он сломал печать.

Внутри был не приказ об устранении. Это был плотный лист веленовой бумаги с золотым тиснением. Приглашение на Большой Императорский Бал. Ровно через три дня. В Зале Тысячи Зеркал, в самом сердце Цитадели Вечной Ночи.

Алекс медленно поднял глаза на посыльного. — Это ка-

кая-то извращенная шутка? — его голос впервые за ночь утратил металлическую бесстрастность. — Я не танцую, Игнациус. И на мне до сих пор кровь фон Моро. Метафорически, но твой хозяин слишком чувствителен к таким вещам, когда дело касается его паркетов.

— Его Темнейшество не ждет, что ты будешь кружить в менуэте с маркизами, — Игнациус перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным и старым. — Бал — это просто повод собрать в одном зале всех, кто считает себя властью. Герцогов, магистров гильдий, генералов, послов Южных Королевств. Всех, кто в последнее время слишком громко обсуждает, что император Дориан стареет, а его политика на восточных рубежах слишком мягка.

— И зачем я там? В качестве пугала? — Алекс вложил приглашение обратно в папку. — Чтобы аристократы, увидев меня, вспомнили, что у Дориана все еще есть зубы?

— Ты будешь там в качестве тени, Алекс, — тихо сказал Игнациус. — Но тень должна будет укусить.

Он достал из внутреннего кармана ливреи маленький бархатный мешочек и бросил его Стрелку. Алекс поймал его одной рукой. Внутри перекатывались два тяжелых предмета.

— Цели, — пояснил Игнациус. — Герцог Валериус из Дома Полночи и леди Элеонора Вейн, глава Железного Банка.

Алекс почувствовал, как внутри все заledenело снова, но уже не от магии. Валериус — правая рука императора, его кузен и командующий всей Северной армией. Леди Элеоно-

ра — женщина, чье слово может обрушить экономику половины континента.

— Дориан сошел с ума, — констатировал Алекс. — Убивать коррумпированного барона — это санитария. Убивать Валериуса и Элеонору на собственном балу — это самоубийство. Даже моя тма не спасет меня от пяти сотен свидетелей и императорских боевых магов.

— Никто не просит тебя убивать их из винтовки на балу, идиот, — раздраженно прошипел Игнациус. — Твоя задача — сделать так, чтобы они *не дошли* до зала. Официально. Герцог должен «подавиться перепелом» в своей карете по дороге во дворец. А леди Элеонора должна «трагически оступиться» на мраморной лестнице собственного особняка, спеша надеть диадему. Смерть должна выглядеть как цепь досадных, трагических случайностей. Паника в высшем свете — вот лучший инструмент для того, чтобы заговорщики затаились. Дориан хочет вычистить конюшни, Стрелок. И он готов ради этого пожертвовать двумя племенными жеребцами.

— Почему я? — спросил Алекс, хотя ответ он знал. — У императора есть Тайная канцелярия. У него есть ассасины из клана Шелковой Нити, которые могут заставить человека умереть от радости. Зачем вытаскивать из портовой грязи меня?

— Потому что Шелковая Нить оставляет шелк, — терпеливо, как умственно отсталому, объяснил Игнациус. —

А Тайная канцелярия оставляет протоколы допросов, которые всегда могут всплыть в самый неподходящий момент. А ты, Алекс... ты оставляешь только пустоту. Когда Валериус умрет, лучшие некроманты империи будут неделю спорить, поразил его сердечный приступ или проклятие древних богов. Твоя магия не оставляет улики. Она оставляет страх перед неизвестным. А страх — это то, что сейчас держит империю Дориана на плаву.

Алекс молчал, глядя на мешочек в своей руке. Он был оружием. Инструментом. Хирургическим скальпелем, который император вынимает из ящика, когда нужно вырезать опухоль, не испачкав кровью белые перчатки.

Работа по барону была рутиной. Грязной, но понятной. Это была охота. То, что предлагал Дориан сейчас, было политикой. Это была клетка со змеями, где один неверный шаг означал не просто смерть, а полное, абсолютное стирание. Если он провалится, император первым открестится от него, а палачи ордена Правосудия будут убивать его медленно, вытягивая жилы раскаленными щипцами.

— Три дня, — нарушил тишину Игнациус. — У тебя три дня, чтобы подготовить несчастные случаи. И, Алекс... — он наклонился ближе, обдав Стрелка запахом гнилых зубов и дешевых благовоний. — Не вздумай проявлять фантазию. Дориан ненавидит фантазию. Просто сделай свою работу. Как ты умеешь. Из темноты.

Посыльный развернулся и, не прощаясь, растворился в за-

рослях орешника. Его нелепый парик мелькнул между деревьями и исчез.

Алекс остался один.

Он разжал ладонь. Мешочек упал на ковер из прелых листьев. Доставать имена он пока не стал.

Он посмотрел на свои руки. В лунном свете, пробивающемся сквозь кроны, они казались неестественно бледными. Семь лет назад, когда он впервые призвал Тьму, чтобы отомстить за свою семью, он думал, что станет демоном. Он думал, что будет сеять разрушение.

Вместо этого он стал идеальным палачом. Призраком, на которого можно списать любую грязную работу. Он отнял сотни жизней, но сам давно перестал чувствовать себя живым. Пустота внутри него, та самая, что питала винтовку, давно поглотила его собственные желания, страхи и надежды.

Бал через три дня.

Алекс наклонился, подобрал мешочек и убрал его в карман плаща. Затем он шагнул в тень огромного дуба.

Тьма привычно обняла его, скрывая от мира.

В портовом городе Гримхольда гвардейцы барона уже ломали двери в комнаты прислуги, ища демона. В столице империи портные уже снимали мерки с мертвенно-бледного Стрелка Тьмы для парадного камзола, которого он никогда не наденет.

Алекс закрыл глаза, выравнивая дыхание.

Нужно было изучить маршруты герцогских карет. Нужно было рассчитать хрупкость мраморных ступеней в особняке Железного Банка. Нужно было превратить два политических убийства в безупречную статистику несчастных случаев.

Он открыл глаза. В абсолютном мраке под землей, где не было ни единого луча света, зрачки Алекса вспыхнули холодным, обсидиановым огнем.

Работа сама себя не делает.

Глава 2. Воля Императора

Три дня.

Для обычного человека это семьдесят два часа, которые можно потратить на сон, еду и суетливые сборы. Для Алекса это было время абсолютной, хирургической тишины.

Он не вернулся в свои комнаты в Нижнем городе — тесную конспиративную квартиру, пропахшую оружейным маслом и застарелым потом. Места, где оставляют следы, рано или поздно становятся ловушками. Вместо этого он ушел в катакомбы под старой частью столицы, в лабиринт заброшенных канализационных стоков и усыпальниц времен Первой Династии.

Здесь, в вечном мраке, не было разницы между днем и ночью. Алекс спал урывками, по сорок минут, прислонившись спиной к влажному, поросшему флуоресцирующим мхом камню. Его сны не приносили отдыха. В них не было ни барона фон Моро, ни посыльного Игнациуса. Там была только бескрайняя, воющая пустота, которая пыталась поглотить его самого, растворить его кости, его память, его имя. Он просыпался от собственного беззвучного крика, чувствуя, как кончики пальцев немеют от холода, идущего изнутри.

Первые сутки он посвятил герцогу Валериусу. Алекс никогда не убивал вслепую. Тьма давала ему колоссальную силу, но требовала абсолютной точности. Он купил на черном

рынке за золото, оставшееся от аванса фон Моро, три вещи: расписание дежурств личной гвардии Дома Полуночи, чертежи гербовой кареты Валериуса, усиленной рунами против проклятий, и флакон редкого яда пустынной сколопендры, который невозможно обнаружить ни одним известным антидотом.

Яд он отбросил сразу. Слишком просто. Слишком похоже на заказное убийство. Дориан хотел паники, хотел, чтобы смерть выглядела как гнев небес или дряхлость плоти.

Алекс выбрал остановку сердца.

Он провел двенадцать часов, изучая маршрут кареты от городского особняка Валериуса до Цитадели. Он нашел идеальное место — узкий каменный мост через искусственный канал, отделяющий квартал знати от ремесленных гильдий. Мост был старым, кладка просела. Карета Валериуса, тяжелая, окованная железом, создавала там идеальную точку напряжения.

Проблема была в защите. Валериус был параноиком. Его карету зачаровывали лучшие рунные мастера столицы. Любой направленный удар — магический или физический — просто соскользнул бы с нее, как вода с гусятины.

Но Алекс не собирался бить в карету.

Он собирался бить в пространство *вокруг* нее.

Вторые сутки ушли на леди Элеонору Вейн. Железный Банк не доверял магии. Они доверяли архитектуре. Особняк Элеоноры был крепостью, где каждый пролет лестницы мог

быть убран в пол, а за каждой картиной скрывался арбалетный порт.

Алекс нашел уязвимость в самой геометрии. Главная лестница, ведущая в бальный зал, была сделана из редкого белого мрамора, привезенного с Южных островов. Мрамор был красив, но имел скрытый кристаллический дефект. При определенных частотах вибрации — например, от тяжелого шага человека в металлических сапогах, спешащего вниз, — микротрещины в породе могли резонировать.

Алексу не нужно было ничего взрывать. Ему нужно было лишь в течение трех секунд поддерживать на краю ступени частоту в сорок герц. Этого хватило бы, чтобы мрамор превратился в мелкую крошку под ногой главы Банка. Падение с высоты второго пролета на кованые шипы подставки для зонтиков гарантировало бы нужную «трагическую случайность».

Третьи сутки он потратил на подготовку собственного снаряжения. Он не брал с собой много. Два куска кожи василиска для мгновенного формирования оружия. Фляга с укрепляющим настоем. И старый, потертый серебряный медальон на цепочке — единственная вещь, оставшаяся от его прошлой жизни, до того как Тьма выжгла его изнутри. Он спрятал медальон под рубашку. Приметы сентиментальности были опасны, но иногда нужно иметь якорь, чтобы пустота не унесла тебя окончательно.

В ночь перед Балом он стоял на крыше Храма Девяти Вет-

ров, самого высокого здания в столице, и смотрел на Цитадель Вечной Ночи.

Дворец императора не спал. Он гудел, как растревоженный улей. Сотни факелов освещали внешние стены, по стенам ходили патрули боевых магов в алых мантиях, а в небе над Цитаделью медленно кружили рунические грифоны. Дориан ждал гостей. Дориан ждал удара. Император всегда чувствовал, когда его собственную тьму пытаются использовать против него самого.

Алекс оттолкнулся от края крыши. Он не стал спускаться по лестнице. Он просто шагнул в густую тень, отбрасываемую шпилем храма, и вышел из другой тени — из неприметной ниши в стене внутреннего двора Цитадели, куда не доставал свет фонарей.

Внутри пахло озоном, старым пергаментом и страхом. Его ждали.

Два легионера из Первых Когорт, в тяжелой броне из черного мифрила, возникли из боковых проходов бесшумно, как призраки. Их лица были скрыты глухими шлемами с узкими Т-образными прорезями. — Стрелок Тьмы, — прогудел один из них. Голос звучал металлически, искаженный решеткой шлема. — Император ждет. Оружие оставить.

Алекс молча протянул руку. На его ладони на секунду сгустился короткий кинжал из черного дыма, который тут же истаял. Легионеры не шевельнулись. Они знали, что если он захочет их убить, его согласие сдать оружие не будет иметь

значения.

Они повели его через лабиринт залов.

Цитадель строилась веками, и каждый новый правитель добавлял к ней свой кошмар. Они проходили мимо галерей, где в нишах за зачарованным стеклом стояли застывшие в агонии статуи мятежных герцогов. Миновали Зал Шепота, где эхо могло свести с ума неподготовленного человека за полчаса.

Наконец, легионеры остановились перед массивными дверями из цельного куска обсидиана. — Зал Лунного Трона, — объявил стражник. — Дальше иди один. И не делай резких движений. Лунные Псы не любят резких движений.

Двери открылись сами, без единого звука.

Алекс вошел.

Зал был огромен. Его потолок терялся во тьме, поддерживаемый колоннами, которые казались выточенными из застывшего дыма. Пол был выложен плитами из черного и белого мрамора, образуя гигантскую шахматную доску.

Но главным здесь был свет.

В зале не было ни факелов, ни магических шаров. Единственный источник освещения — исполинское окно из цельного лунного камня, занимавшее всю противоположную стену. Луна висела над столицей так низко, что казалась ее вторым, холодным солнцем. Ее мертвенно-бледный свет заливал зал, стирая цвета. Все вокруг — колонны, плиты пола, бархатные штандарты — стало монохромным, призрачным.

И посреди этого призрачного мира, на троне из черного вулканического стекла, сидел Император Дориан.

Он не выглядел как воплощение абсолютной власти. Он выглядел как очень старый, очень уставший человек. Его плечи были ссутулены под тяжелой мантией из меха лунного барса. Кожа на лице, видневшаяся из-под короны, напоминала сухой пергамент, туго обтягивающий череп. Но глаза... Глаза Дориана были живыми. Они были абсолютно черными, без белков, и в них плескалась такая древняя, густая тьма, что магия Алекса казалась по сравнению с ней просто детской игрой с тенями.

— Ты пришел вовремя, Алекс, — голос императора не гремел. Он был тихим, чуть хриплым, но от него вибрировали сами плиты пола. — Я ценю пунктуальность. Она свойственна мертвым.

Алекс не поклонился. Он остановился в десяти шагах от подножия трона, в центре белой клетки. — Герцог Валериус подавился костью перепела в своей карете, — ровным голосом доложил он. — Леди Элеонора оступилась на лестнице. Расследование городской стражи придет к выводу о трагическом стечении обстоятельств к полудню. Бал сегодня вечером пройдет в атмосфере должного трепета.

— Я знаю, — Дориан медленно кивнул. — Мои люди уже доложили. Ты работаешь чисто. Слишком чисто. Иногда мне кажется, что ты не человек, а просто функция. Ошибка в расчетах мироздания, которая научилась нажимать на спуск.

— Вы сами сделали меня этой ошибкой, Ваше Темнейше-ство, — ответил Алекс. — Зачем я здесь? Если вы вызвали меня только чтобы похвалить за мертвых герцога и банкира, то у меня есть еще пара часов на сон перед Балом.

Губы императора тронула тонкая, лишенная веселья улыбка. — Сон, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Какая роскошь. Я забыл, как это — спать без кошмаров, с тех пор как мне исполнилось сорок. А мне, Стрелок, восемьдесят два года. И я хочу дожить до восьмидесяти третьего.

Дориан медленно, с видимым усилием, поднялся с трона. Его мантия тяжело упала на пол. Он сделал шаг вперед, выходя в полосу лунного света. — Сядь, — император указал на низкую скамью из эбенового дерева, стоявшую сбоку от трона. — Разговор будет долгим. И налей себе вина. Это «Кровь дракона», урожай тысяча сто второго года. Оно стоит дороже, чем вся твоя никчемная жизнь, но сегодня я готов потратиться.

На столике рядом со скамьей стоял хрустальный графин. Алекс налил густую, рубиновую жидкость в бокал. Он не притронулся к вину, просто держал его в руках, согревая стекло.

— Империя гниет, Алекс, — начал Дориан, медленно прохаживаясь вдоль шахматной доски пола. — Сверху. Бароны, герцоги, магистры. Они жрут ее заживо. Валериус и Элеонора были лишь самыми жирными глистами. Я вычистил кишечник, но болезнь сидит глубже. В костном мозге.

— Империя Пепельного Скипетра, — произнес Алекс. Это не было вопросом.

— Именно, — Дориан остановился и посмотрел прямо на него. Лунный свет отразился в его черных глазах, сделав их на мгновение серебряными. — Ты удивляешь меня, Стрелок. Я думал, такие, как ты, интересуются только размером гонорара и направлением ветра.

— Чтобы попасть в цель, нужно знать, что это за цель.

— Верно, — император снова зашагал. — Дрейк. Император Дрейк. Мой троюродный брат по побочной линии. Человек, которого я в юности считал трусливым книжным червем. Я ошибся. Книжные черви оказались опаснее волков.

Дориан подошел к исполинскому окну из лунного камня. — Пока мы с тобой вырезаем коррупцию здесь, Дрейк построил машину. За последние десять лет Империя Пепельного Скипетра не вела войн. Они не тратили золото на пиры и фавориток. Они строили. Они создали «Армию Золота». Сто тысяч големов, Алекс. Не тех неуклюжих истуканов, которых делают наши рунные мастера из глины. А сплав адамантия, мифрила и живой плоти, оживленный магией крови. Они не устают. Их не берет сталь. Они не чувствуют боли.

Император повернулся от окна. Его лицо в мертвенном свете стало похоже на череп. — А во главе этой армии стоит он сам. Дрейк. Он нашел способ... закрепить свою душу. Он больше не совсем человек. Он — идеальный полководец, который не спит, не ест и не знает сомнений.

Дориан вернулся к трону и тяжело оперся на его подлокотник. — Через шесть месяцев, когда сойдут снега на Перевале Скорби, «Армия Золота» перейдет границу. Наша западная армия, даже объединившись с наемниками, продержится три недели. Столица падет через два месяца. Я потеряю империю, которую мои предки собирали по кускам пятьсот лет.

— И вы решили ударить в голову, — догадался Алекс. — Убить Дрейка. Обезглавить вторжение.

— Я решил не просто убить его, — голос Дориана стал жестким, как битое стекло. — Я решил стереть его. Так, как ты стираешь своих клиентов. Чтобы в Империи Пепельного Скипетра началась грызня за власть. Чтобы их генералы рвали глотки друг другу, пока мы будем перегруппировываться на западных рубежах. Это не просто приказ, Алекс. Это единственный шанс для моей страны не превратиться в пепельную пустыню.

Алекс молчал. Он смотрел на императора и видел не старика. Он видел математика. Дориан просчитал вероятности и пришел к выводу, что потеря одного Стрелка Тьмы — приемлемая цена за спасение континента.

— Почему я? — снова спросил Алекс. — У вас есть целое ведомство ассасинов.

— Потому что ассасины — это нож, — ответил Дориан. — А ты — чума. Ассасина можно проследить по следам ядов, по стилю боя, по свидетелям. Тебя — нельзя. Если

Дрейк умрет от «остановки сердца» в своей закрытой спальне, окруженный сотней личных телохранителей, его мистики решат, что это воля богов. А боги, как известно, вне юрисдикции вражеской контрразведки.

Император выпрямился. — Но я не идиот, Стрелок. Я знаю, что Дрейк не сидит во дворце. Он со своей армией. Он постоянно перемещается между укрепленными лагерями. Он спит в зачарованном шатре, который невозможно пробить извне. Любой, кто приблизится к нему на расстояние выстрела, будет испепелен его личными боевыми магами еще на подлете.

Дориан щелкнул пальцами. Из тени за колонной шагнула фигура.

Алекс инстинктивно напрягся, хотя не сделал ни одного движения. Его пальцы едва не раздавили хрустальный бокал.

Девушка. На вид не больше двадцати пяти лет. Длинные волосы цвета воронова крыла заплетены в тугую, сложную косу. На ней не было пышных платьев — только практичный костюм из темной кожи: высокие сапоги, плотные штаны и приталенный колет, поверх которого была надета кираса из белого металла, напоминающего серебро. На поясе висел тонкий меч с гардой в виде расправившего крылья сокола.

Но самым важным была ее аура. Алекс, привыкший чувствовать мир через отсутствие света, кожей ощутил давление. От нее исходил запах озона, грозы и разреженного гор-

ного воздуха. Она была наэлектризована силой.

— Это Анастасия, — представил девушку Дориан. — Магистр Ветра. Пятый Круг. Личный протектор Его Темнейше-ства.

Анастасия окинула Алекса быстрым, оценивающим взглядом. В ее глазах не было страха, только холодный, профессиональный расчет. Она смотрела на него не как на легенду преступного мира, а как на сложный, потенциально нестабильный инструмент.

— Он будет твоим напарником, Алекс, — сказал император.

Слово «напарник» повисло в звенящей тишине зала. Оно звучало так же неуместно, как «нежность» в пыточной камере.

— Исключено, — голос Алекса прозвучал глухо. — Я работаю один. Второй человек — это лишний шум. Лишний запах. Лишняя цель, которую мне придется защищать. Это снижает мои шансы на успех вдвое.

— Твои шансы на успех в одиночку равны нулю, — отрезал Дориан. — Ты — тень. Ты можешь проникнуть куда угодно, но ты не можешь летать. Шатер Дрейка находится в центре передвижного форта, который постоянно патрулируют. Тебе нужен тот, кто сможет поднять тебя в воздух, преодолеть стену щитов и высадить на крышу шатра.

Император перевел взгляд на Анастасию. — А она, в свою очередь, не сможет пройти через внутренний периметр. Ее

магия ветра слишком... громкая. Любой маг-ищейка Дрейка засечет ее за милю. Ей нужен тот, кто проведет ее сквозь охрану, как нож сквозь масло. Тот, для кого не существует преград, если на них падает тень. Вы — идеальная пара. Инь и Ян. Пустота и Шторм.

Анастасия сделала шаг вперед. Теперь она стояла почти между Алексом и троном. Она была выше его ростом, и в ее позе читалось легкое, едва уловимое превосходство. — Я не привыкла работать с фрилансерами, — ее голос был чистым и звонким, как хрусталь, но в нем звенел металл. — Я привыкла командовать отрядами. Если ты выкинешь какой-нибудь свой мрачный фокус и решишь, что миссия важнее моего выживания, я переломаю тебе ноги собственным ветром. Мы поняли друг друга?

Алекс посмотрел на девушку. Затем на императора. План был безумием. Прорыв вглубь территории врага, где каждый камень может быть зачарован, где воздух пропитан поисковыми чарами. Ему придется не просто стрелять. Ему придется вести полноценный бой в условиях, где его магия — отсутствие света — может быть перекрыта мощными осветительными снарядами.

— Какова точка эвакуации? — спросил Алекс. Его голос снова стал ровным.

Дориан позволил себе едва заметно выдохнуть. — К северу от основного лагеря есть Мертвые Болота. Там аномалия, слепое пятно для их магии. На третий день после вашей

го проникновения там будет ждать мой человек. Корабль на воздушной подушке. Он доставит вас в нейтральные воды.

— Оплата? — спросил Алекс.

— Любая, — просто сказал император. — Если вы убьете Дрейка и вернетесь живыми, казна Вечной Ночи — твоя. Хочешь — стань герцогом. Хочешь — купи собственный остров и исчезни. Хочешь — я отдам тебе Анастасию в качестве военного трофея, раз уж вы так мило поладили.

Анастасия возмущенно фыркнула, но промолчала, лишь ее рука рефлекторно легла на рукоять меча.

Алекс поставил нетронутый бокал с «Кровью дракона» на столик. Дорогое вино осталось стоять, медленно нагреваясь до комнатной температуры.

— Мне не нужны ваши земли, Дориан. И ваша казна.

— Чего же ты хочешь? — император подался вперед. Черные глаза впились в Стрелка. — Говори. Я устал от недомолвок.

Алекс на мгновение замолчал. Он посмотрел на свои руки, затем перевел взгляд на Анастасию, на ее спокойное, уверенное лицо. — Мне нужно имя, — тихо сказал он. — Имя того, кто отдал приказ. Того, кто нанял убийц семь лет назад. Того, кто убил мою жену и дочь. Вы знаете, о ком я. Вы всегда знали.

В зале стало так тихо, что было слышно, как за окном воет ветер. Дориан долго смотрел на него. В черных глазах императора на секунду промелькнуло что-то похожее на чело-

веческое понимание. Или жалость. — Его зовут Маркус, — наконец произнес император. — Маркус из Дома Осеннего Листа. Сейчас он — серый кардинал Южных торговых гильдий. Живет в Аскалоне. Если ты вернешься с головой Дрейка, я отдам тебе его. Слово Императора.

Алекс закрыл глаза. Пустота внутри него, которая, как ему казалось, давно выжгла все желания, вдруг шевельнулась. Это было похоже на то, как в давно пересохшем русле реки вдруг начинает шевелиться ил.

— Условия приняты, — он открыл глаза. Его взгляд снова стал пустым и черным. — Когда выдвигаемся?

— Вы покинете Цитадель через час, — Дориан вернулся на свой трон. Лунный свет снова скрыл его лицо в полумраке, оставив только силуэт. — Через сеть порталов, настроенных на мою личную печать. Вас выбросит в сорока милях к востоку от передовых постов Дрейка. Дальше — пешком. У вас есть три дня, чтобы пересечь ничейные земли и найти лагерь. Дрейк меняет дислокацию каждые сорок восемь часов. Мои шпионы дадут вам последние координаты перед самым переходом.

Император махнул рукой. Аудиенция была окончена. — Идите. И постарайтесь не убить друг друга до того, как доберетесь до цели. Империя не переживет, если ее два самых опасных оружия уничтожат сами себя из-за дурного характера.

Анастасия коротко кивнула императору и, не глядя на

Алекса, направилась к выходу из зала. Ее шаги по мраморным плитам были твердыми и уверенными.

Алекс задержался на секунду. Он посмотрел на спину императора, сгорбившуюся на троне из обсидиана. — Дориан, — позвал он.

Император не повернул головы. — Если это ловушка... Если вы отправляете нас на смерть, чтобы списать со счетов неудобного свидетеля...

— Если бы я хотел тебя убить, Алекс, — не оборачиваясь, ответил Дориан, — я бы просто перестал платить за содержание твоих теней. Ты бы истаял в течение недели, превратившись в лужу черной слизи на полу какой-нибудь таверны. Ты слишком глубоко пустил в себя корни, Стрелок. Ты не можешь жить без этой работы. Иди. Спаси мою империю. Или умри, пытаясь. Для меня результат будет одинаковым — Дрейк не должен дойти до наших границ.

Алекс молча развернулся.

Он вышел из Зала Лунного Трона, оставив императора наедине с его лунным светом и его отчаянной, кровавой надеждой.

В коридоре его ждала Анастасия. Она прислонилась плечом к холодной стене, скрестив руки на груди. — Ну что, Тень, — сказала она, когда он поравнялся с ней. — Готов пройти по вражеской территории с мишенью на спине? Говорят, у Дрейка есть ручные драконы. Ты их тоже будешь пугать своей черной пукалкой?

Алекс проигнорировал насмешку. — Нам понадобится снаряжение, — сказал он. — Твои штормовые чары бесполезны в вакууме. А моя тьма гаснет от слишком яркого света. Нам нужно то, что работает в связке.

— У меня есть доступ к арсеналам Цитадели, — Анастасия оттолкнулась от стены. — Пойдем, наемник. Покажу тебе, как воюют те, кто не прячется в канализации.

Она пошла вперед, освещая себе путь магическим огнем, сорвавшимся с ее пальцев. Свет был болезненно-ярким для глаз Алекса, привыкших к абсолютному мраку. Он поморщился, но последовал за ней.

Впереди был Перевал Скорби, «Армия Золота» и человек, называющий себя богом.

А позади остался император, который только что купил жизнь своего врага ценой жизни своего лучшего оружия.

Глава 3. Знакомство с Ветром

Арсенал Цитадели Вечной Ночи не был похож на те тесные, пропахшие ружейной смазкой и дешевым табаком лавки, к которым привык Алекс. Это был не магазин, а храм войны.

Они шли по бесконечным анфиладам, вырубленным прямо в теле горы, на которой стояла столица. Своды здесь поддерживали не колонны, а застывшие в вечном карауле големы из черного гранита. Воздух был сухим и стерильным, пахнувшим озоном, старой кожей и ружейной сталью.

Анастасия шла впереди. Она не пользовалась факелами. С кончиков ее пальцев срывались маленькие, размером с вишню, сгустки плазменного света. Они не разгоняли тьму полностью, а лишь очерчивали границы коридора, заставляя тени по углам казаться еще более глубокими и голодными.

— Левый сектор, уровень минус три, — бросила она на ходу, обращаясь, казалось, к самим стенам. — Код доступа: Анастасия-Семь-Буря.

Тяжелая стальная дверь, украшенная барельефом сокола, бесшумно ушла в сторону.

— Добро пожаловать в мою песочницу, — Анастасия сделала приглашающий жест. — Постарайся ничего не трогать. Некоторые экспонаты здесь кусаются. И я говорю это не в переносном смысле. Тот топор в дальнем углу сожрал двух

стажеров в прошлом году.

Алекс шагнул внутрь.

Зал был огромен. Потолок терялся во мраке, но даже того скудного света, что вносила магистр, хватало, чтобы оценить масштаб. Стены от пола до потолка были увешаны оружием. Здесь не было алебард для городской стражи или мечей для ополчения. Каждый клинок, каждый лук, каждый жезл в этом зале был произведением искусства и орудием убийства.

В центре зала, на массивных гранитных постаментах, стояли манекены. Не тряпичные куклы, а цельнолитые фигуры из зачарованного адамантия, покрытого сетью мелких царапин и выбоин.

— Нам предстоит переход через Перевал Скорби, — Анастасия остановилась в центре зала, поворачиваясь к Алексу. Ее лицо в свете магического огонька казалось высеченным из мрамора. — Это сорок миль голого камня, ледяных ветров и патрулей Империи Пепельного Скипетра. Там негде прятаться. Твоя канализационная магия теней там работает вполсилы — слишком много открытого неба и отраженного от снега света.

— Я адаптируюсь, — ровно ответил Алекс. Он медленно обходил зал, не касаясь стен. Его взгляд скользил по экспонатам, не задерживаясь ни на чем. Он искал не оружие — он искал понимание того, с кем ему предстоит идти на смерть.

— Сомневаюсь, — Анастасия скептически изогнула бровь. — Ты — инструмент точечного удара. Пистолет с од-

ним патроном. А мне нужен клинок, который не сломается после первого же парирования. Дрейк не сидит в палатке и не ждет, пока ты нажмешь на спуск. У него личная гвардия из магов крови. Если они поймут, что мы идем по их душу, они превратят снег под нашими ногами в кислоту, а воздух — в стекло.

Она подошла к одному из постаментов. На нем лежал изящный посох из белого дерева. — Я — Пятый Круг. Магистр. Я могу призвать торнадо, способный поднять в воздух кавалерийский эскадрон. Я могу сплести щит из сжатого воздуха, который отразит залп крепостных орудий. Но я не могу быть в двух местах одновременно. Мне нужен щит, который прикроет *тебя*, пока ты будешь искать свою идеальную позицию для выстрела.

Она резко обернулась к нему. — Вопрос в том, Стрелок, умеешь ли ты работать под прикрытием? Или ты умеешь только стрелять в спину жирным баронам, которые пьют вино?

Алекс остановился. Он посмотрел на Анастасию. Прямо в ее ясные, серые, как зимнее небо, глаза. В них не было страха. Только холодная, звенящая ярость профессионала, которому навязали неисправное оборудование.

— Ты судишь о моей работе по отчетам казначейства, — его голос стал тише, в нем прорезался едва уловимый металлический скрежет. — Бароны — это разминка. Техническое обслуживание.

Он сделал шаг к ней. — Смотри внимательно, Магистр. Я покажу тебе, как работает «канализационная магия».

Алекс поднял правую руку. Он не стал призывать винтовку. Винтовка — это дистанция. Сейчас ему нужно было показать плотность, давление, вес его стихии.

Из теней, отбрасываемых его собственным телом и стеллажами, начала сочиться тьма. Она не капала на пол. Она вытягивалась в его ладонь, уплотняясь, скручиваясь в тугую спираль. Это не было похоже на дым. Это выглядело так, будто из воздуха исчезал сам свет, оставляя после себя физический вакуум.

Через две секунды в его руке покоился короткий револьвер. Он был абсолютно черным, поглощающим даже свет магического огонька Анастасии. У него не было барабана в привычном понимании — лишь шесть идеально круглых камер, уходящих в бесконечность.

— Это «Грех», — сказал Алекс. — Вторая стадия призыва. Для дистанций до пятидесяти метров. Там, где ветер может сбить траекторию пули, но где еще слишком опасно вступать в ближний бой.

Анастасия не отступила. Она лишь чуть прищурилась, и ее магический огонек вспыхнул ярче, превратившись в маленькое, злое солнце. Она пыталась пробить его тьму светом. Тьма даже не шелохнулась.

— Красивая игрушка, — процедила она. — Посеребрим ее и подарим вампиру?

Алекс проигнорировал укол. Он поднял оружие. Его движения были плавными, почти ленивыми, но в них чувствовалась такая выверенная смертоносность, что воздух в зале, казалось, загустел.

Он не целился в Анастасию. Он выбрал один из адамантовых манекенов в десяти метрах от них.

— Смотри на цель, — приказал он.

— Я смотрю на тебя, идиот, — огрызнулась она, но ее взгляд все же метнулся к манекену.

Алекс нажал на спуск.

Снова — ни грохота, ни вспышки. Только глухой, утробный хлопок, от которого по гранитному полу прошла вибрация.

Из дула «Греха» вырвался сгусток. Но это была не пуля. Это был идеальный шар абсолютной тьмы, размером с кулак. Он летел не по прямой. Он *прогрыз* пространство. Воздух вокруг него пошел рябью, как от невыносимого жара, хотя от снаряда веяло могильным холодом.

Снаудар ударил манекен в центр груди.

Адамантий — самый прочный металл в мире, способный выдержать удар драконьего пламени. Манекен не взорвался. Он не разлетелся на куски.

Он *исчез*.

В месте попадания образовалась идеально ровная, дымящаяся дыра диаметром в полметра. Шар тьмы прошел сквозь сверхплотный металл, как раскаленная игла сквозь воск, не

потеряв инерции. Он ударил в каменную стену позади. Гранит, которому было несколько миллионов лет, издал звук, похожий на крик кита, и взорвался облаком черной пыли. В стене осталась сквозная пещера, ведущая, казалось, в самую Бездну.

В зале повисла тяжелая, звенящая тишина. Даже магический огонек в руке Анастасии на мгновение дрогнул.

Алекс опустил револьвер. Тьма, из которой он состоял, втянулась обратно в его рукава. — Пуля из небытия, — спокойно пояснил он, убирая «Грех» обратно в тень своего плаща. — Она не пробивает броню. Она аннигилирует материю на атомарном уровне. Ей все равно, адамантий перед ней или плоть. Если я нажму на спуск, Магистр, и ты окажешься на линии огня, твои щиты из сжатого воздуха станут просто очень дорогим, очень сжатым паром.

Он сделал паузу, глядя на оплавленные края дыры в стене. — Теперь ты понимаешь, почему я работаю один? Я — нейтронная бомба в человеческом обличье. Любой, кто стоит рядом со мной в момент выстрела, рискует попасть под остаточное излучение.

Анастасия медленно подошла к дыре в стене. Она провела рукой над оплавленным камнем, не касаясь его. Воздух вокруг ее ладони заискрился от статики. — Значит, Дрейка нужно будет убить в герметичном помещении, — констатировала она, ее голос снова стал ровным и деловым. — Чтобы взрывная волна и эманации Бездны не испарили половину

его лагеря. И меня заодно.

Она обернулась. В ее серых глазах больше не было насмешки. Там было холодное, расчетливое уважение, смешанное с тревогой. — Хорошо, — сказала она. — Я поняла. Ты — артиллерия. Я — инженерная рота и ПВО.

Она щелкнула пальцами. Ее магический огонек погас, погрузив половину зала в полумрак. — Раз ты такой скрытный и опасный, покажи мне, как ты прячешься.

Анастасия отошла на пять шагов назад, встав у противоположной стены. — Найди меня, — бросила она. — Я не буду двигаться.

Алекс склонил голову набок. Он ожидал тестов на огневую мощь, на прочность, на совместимость магии. Но она начинала с основ. С контроля пространства.

Он не стал спорить. Алекс просто... перестал быть.

Он не шагнул в тень. Он просто позволил своей ауре расшириться. Для него самого мир не изменился, но для Анастасии центр зала, где он только что стоял, опустел. Его фигура не растворилась в дыму. Она просто перестала существовать как визуальный объект. Она стала частью архитектуры — еще одним темным углом, еще одной глубокой трещиной в граните.

Анастасия нахмурилась. Она была магом воздуха. Ее стихия — это движение, давление, звук. Она закрыла глаза.

Ветер в закрытых помещениях не возникает сам по себе. Она начала плести заклинание. Это было похоже на то, как

ткачиха перебирает невидимые нити. Она начала медленно, на доли градуса, понижать температуру в зале. Алекс, стоящий в своем коконе абсолютной тьмы, этого не почувствовал — пустоте было плевать на холод. Но она почувствовала.

Где нет тепла, там нет и восходящих потоков. Но есть плотность.

Она создала вокруг себя сферу из спрессованного воздуха. Затем она начала медленно расширять ее. Это был не удар. Это было мягкое, но неумолимое давление. Идеальный, бесшумный сканер. Воздух заполнял каждый кубический дюйм пространства, ощупывая плотность предметов.

Сфера коснулась того места, где стоял Алекс.

Анастасия открыла глаза. — Ты там, — она ткнула пальцем в пустоту перед собой. — Ты задерживаешь молекулы. Твоя... пустота... имеет плотность. Она плотнее обычного воздуха.

Алекс проявился. Он стоял на том же месте, где и раньше, скрестив руки на груди. — Плотность — это физика. Тьма материальна, просто она поглощает фотоны быстрее, чем их может обработать человеческий глаз. Ты прошла базовый тест.

— А ты провалил мой, — парировала Анастасия, подходя ближе. Теперь, когда они стояли в шаге друг от друга, Алекс заметил детали, которые ускользали в полумраке. Тонкий белый шрам, пересекающий ее левую скулу — след от клинка, прошедшего слишком близко. И то, как она едва заметно

припадала на правую ногу — старая травма колена, которую она компенсировала идеальным балансом корпуса.

— Я не собирался прятаться от тебя, — сказал Алекс. — Я просто сэкономил силы. Нам предстоит марш-бросок.

— Ты сэкономил силы, стоя на месте? — она усмехнулась, но в усмешке не было тепла. — Трусость или лень? Впрочем, неважно. Твоя скрытность хороша против стражи. Но она бесполезна против Дрейка.

— Почему? — Алекс впервые за весь разговор проявил неподдельный интерес.

— Потому что Дрейк — маг крови, — Анастасия понизила голос, хотя в пустом арсенале их никто не мог слышать. — Кровь — это жидкость. Жидкость всегда помнит тех, кто пролил ее рядом. У него есть «Псы». Гончие, выращенные из крови его павших врагов. Они не видят. Они не слышат. Они чувствуют страх, ярость и... пустоту. Твоя душа, Стрелок, для них — как огромный, гниющий кусок мяса в стерильной комнате. Они учуют тебя за милю, как бы ты ни сливался с тенями.

Алекс молчал. Информация была... неприятной. Гончие крови. Это меняло весь профиль работы. Его главное преимущество — внезапность — сводилось к минимуму.

— Значит, нам нужен отвлекающий маневр, — наконец произнес он. — Что-то достаточно громкое, чтобы Гончие сошли с ума от запаха, и достаточно яркое, чтобы их маги смотрели в другую сторону.

— Я могу поднять снежную бурю, — тут же оживилась Анастасия. — «Белая Слепота». Видимость — ноль. Температура падает до минус пятидесяти за секунды. Кожа лопается от обморожения. Гончие потеряют след в хаосе запахов.

— И выдадут наше местоположение всей армии, — отрезал Алекс. — Нам не нужен шторм. Нам нужен хирургический разрез.

Он прошел мимо нее к другому стеллажу. Его рука замерла над длинным, узким ящиком из красного дерева. — Ты сказала, что можешь плести щиты. Какой у них предел прочности? Сможешь удержать прямое попадание из «Греха»?

Анастасия фыркнула. — Если бы я могла удержать твой «Грех», я бы правила этим континентом, а не охраняла старую развалину на троне. Мои щиты — это кинетика. Сжатый воздух. Я могу остановить стрелу, меч, даже пушечное ядро, если успею сплести матрицу. Но твоя... не-бомба... она не бьет. Она *стирает*. Мой щит просто исчезнет вместе со мной.

— Тогда нам нужно научиться стоять так, чтобы я никогда не стрелял в твою сторону, — Алекс выдвинул ящик. Внутри, на черном бархате, лежал предмет, который не был оружием.

Это был куб. Размером с человеческую голову. Гладкий, отшлифованный до зеркального блеска обсидиан.

— Что это? — Анастасия подошла ближе, с профессиональным подозрением глядя на артефакт.

— Это «Осколок Пустоты», — Алекс осторожно, одними кончиками пальцев, коснулся грани куба. — Я нашел его в руинах под Черным Хребтом. Он поглощает магию. Всю. Свет, огонь, ветер, молнии. Он превращает направленную энергию в сырую массу для моей тьмы.

Он посмотрел на нее. — Твои торнадо, Магистр. Если ты направишь их не на врага, а в этот куб... он впитает их. Станет нестабильным. А я смогу высвободить эту энергию одним ударом. Мы превратим твой Шторм в мою Бездну.

Анастасия долго смотрела на куб, затем на лицо Алекса. — Ты хочешь использовать меня как батарейку, — констатировала она.

— Я хочу выжить, — поправил ее Алекс. — И доставить тебя к шатру Дрейка в целости. Мертвый маг ветра бесполезен.

— Какое благородство, — она скрестила руки на груди, зеркаля его позу. — Хорошо. Допустим, я согласна играть роль твоего мобильного генератора. Но у нас есть проблема поважнее Гончих и щитов.

— Какая? — Алекс закрыл ящик с кубом.

— Мы ненавидим друг друга, — просто сказала Анастасия. — Ты — высокомерный, асоциальный кусок льда, который считает, что человеческая жизнь дешевле пороха. А я — зазнавшаяся, дисциплинированная стерва, которая привыкла отдавать приказы. Мы не сработаемся. Ты убьешь меня на второй день перехода, потому что я слишком громко дышу.

А я придушу тебя, потому что от тебя пахнет могилой и ты никогда не смываешь за собой в уборной.

Алекс позволил себе едва заметно изогнуть уголок губ. Это было максимально близкое к улыбке выражение, на которое было способно его лицо. — Я не хожу в уборные. Я — пустота. Все, что я потребляю, аннигилируется.

Анастасия моргнула. На секунду ее маска ледяной невозмутимости треснула, и она издала короткий, звонкий смешок. — Дориан — больной ублюдок, — сказала она, вытирая выступившую в уголке глаза слезу. — Он послал нас на верную смерть, как мужа и жену, которые разводятся из-за того, кто не моет посуду.

Она вздохнула, снова становясь серьезной. — Нам нужны правила, Стрелок. Иначе мы сдохнем не от мечей Дрейка, а от взаимного удушья.

— Слушаю, — Алекс оперся бедром о стеллаж с кинжалами.

— Первое, — Анастасия начала загибать пальцы в перчатке. — Ты не убиваешь никого без моего подтверждения. Я — командир операции. Ты — мое оружие. Если я говорю «ждем», ты ждешь, даже если у тебя идеальный угол для выстрела.

— Согласен, — кивнул Алекс. — При условии, что ты не используешь меня как живой щит.

— Второе, — она проигнорировала его выпад. — Мы спим по очереди. Двадцать минут ты, двадцать минут я. Ни-

кто не поворачивается к партнеру спиной во сне.

— Принято.

— Третье, — ее голос стал жестче. — Если один из нас попадет в плен, второй не идет на самоубийственный штурм. Мы — активы Императора. Если меня начнут резать на куски, чтобы разговорить тебя, ты должен уйти. Доставить информацию. Закончить миссию.

Алекс смотрел на нее. В свете магических ламп ее лицо казалось высеченным из камня, но в глазах плескалась сталь. Она не была просто гордой дворянкой, играющей в солдатики. Она была палачом, просто ее гильотина была невидимой.

— Четвертое, — тихо сказал Алекс. — Личный вопрос. Тот шрам на скуле. Кто?

Анастасия инстинктивно коснулась лица. — Маг крови. Третий Круг. Десять лет назад. Он пытался превратить мою кровь в ртуть. Я успела заморозить сосуды в шее раньше, чем он добрался до сердца. Выжгла ему глаза ветром.

— Почему ты все еще служишь Дориану? — спросил Алекс. — После такого. С твоим талантом ты могла бы купить себе остров и жить в тишине.

— Потому что Империя — это не Дориан, — она посмотрела на ряды оружия. — Это люди. Мои родители сгорели в пограничном городке, когда Дрейк проверял новую осадную машину десять лет назад. Я служу не императору. Я служу тому, чтобы эти машины больше никогда не заработали. А ты? Почему ты все еще здесь? Почему не истаял в своей ка-

нализации, как предсказывал Его Темнейшество?

Алекс отвернулся. Его взгляд упал на «Осколок Пустоты» в закрытом ящике. — Потому что Маркус из Дома Осеннего Лица все еще дышит, — глухо ответил он. — И пока он дышит, моя пустота не имеет права схлопнуться.

Наступила тишина. Они стояли посреди арсенала, два сломанных, смертельно опасных инструмента, которые Император решил связать одной веревкой перед тем, как бросить в жернова.

— Хорошо, — Анастасия кивнула, принимая его ответ. — Значит, договорились.

Она подошла к стойке у выхода и сняла с нее два предмета. Первый — это был ее собственный меч. Но теперь она держала его без ножен. Лезвие было едва заметно, оно преломляло свет, как горячий воздух над костром. — Ветер, — сказала она, и клинок тихо загудел, вибрируя от сдерживаемой мощи. — Он всегда со мной.

Она протянула Алексу второй предмет. Это был массивный компас в бронзовом корпусе. Но стрелка в нем не двигалась. Она была намертво впаяна и указывала строго на север. — Это «Глухарь», — пояснила Анастасия. — Он не показывает направление. Он показывает ложь. Если в радиусе мили кто-то использует магию иллюзий или отвода глаз, стрелка начнет дергаться. В горах, где ветер воет в ущельях, я могу пропустить магический дозор. Ты — нет. Но ты можешь пропустить иллюзию. Держи.

Алекс взял тяжелый компас. Металл был холодным.

— Выход через восточные ворота через час, — Анастасия убрала меч в пристяжные ножны на спине. — Снаряжение первой необходимости уже грузят на мулов. Встретимся у конюшен. И, Алекс...

Она остановилась в дверях, обернувшись. — Если ты решишь, что я стала обузой, и попытаешься меня бросить в снегах... учти, что я — Пятый Круг. Я могу призвать молнию, которая найдет тебя даже под землей. Мы идем до конца. Вместе.

Она вышла, оставив Алекса одного в полумраке арсенала.

Стрелок Тьмы остался стоять среди орудий убийства. Он посмотрел на свои руки. Кожа была бледной, почти синей от холода подземелий.

Он сжал и разжал пальцы.

Анастасия была права. Они были катастрофой, упакованной в человеческую плоть. Ветер, который сносит города, и Пустота, которая их поглощает.

Дориан либо был гением, либо сошел с ума окончательно.

Алекс подошел к зеркалу, висевшему между стеллажами — огромному, в полный рост, зачарованному не отражать магию. Из зазеркалья на него смотрел незнакомец. Худой, изможденный, с черными кругами под глазами, в которых не было ничего, кроме бесконечной, выжженной дотла зимы.

Он надел капюшон. Отражение исчезло, оставив лишь кусок темной ткани.

— До конца, — тихо повторил он слова Анастасии, пробуя их на вкус.

Слово было колючим.

Он развернулся и пошел к выходу. У него был час, чтобы собрать то, что не поместилось в арсеналах Цитадели, и час, чтобы окончательно похоронить в себе человека, который когда-то любил смотреть на рассвет. Впереди была только Воля Императора и ледяная тьма Перевала Скорби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.